

ТАРАРЕВЫ
ЮРИЙ И АЛЕКСАНДР
БОЙЦЫ ВРЕМЕНИ

ЗВЕЗДНЫЙ
БРЕСТ

КНИГА 12

Юрий Тарарев

**Звездный бруствер.
Бойцы времени. Книга 12**

«Автор»

2026

Тарарев Ю.

Звездный бруствер. Бойцы времени. Книга 12 / Ю. Тарарев —
«Автор», 2026

Межпространственный разлом закрыт. Древняя темная магия отрезана от источника. Отчаявшаяся темная принцесса и павший бог тьмы идут на все ради выживания. Объединённый флот людей, драконов и древних цивилизаций принимает последний, сокрушительный бой - чтобы не только спасти свою реальность, но и переписать законы мироздания. Финал арки Бойцы времени!

© Тарарев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 14	5
Глава 15	12
Глава 17	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Тарарев, Юрий Тарарев

Звездный бруствер.

Бойцы времени. Книга 12

Глава 14

Операция транслокация

Маги исчезли внутри катера и без лишних слов приступили к таинству. Дверь герметично закрылась, отсекая внешний мир. Внутри отсека воцарилась тишина — тяжёлая, звенящая, как натянутая до предела струна.

Лузвул шагнул в центр отсека. Его плащ тяжело лёг на пол, серебряные нити рунических защит на мгновение вспыхнули и погасли, будто ткань вплавилась в металл, став частью древнего узора.

Маги заняли места, образовав правильный шестиугольник — гексаграмму. Постепенно настроились на обряд так, чтобы магия З'кыр концентрировалась и работала в унисон.

Начали обряд с ритуала — Заземление.

Все маги взяли в руки посохи, наделённые специальной концентрацией З'кыр. Как только приготовились, Лузвул поднял свой посох, увенчанный кристаллом, внутри которого переливалась как ртуть чистая капля тьмы из недр планеты Оскит. Бросил засветившийся зелёным светом взгляд на магов и ударил посохом об пол.

По корпусу катера прошла волна искажений. Мир вокруг стал тоньше. Каждый почувствовал, как реальность слегка прогнулась перед ними.

Из шестиугольника вырвались лучи мертвенно-зелёного света. Лучи сплелись в сложную сеть, и палуба под ними стала прозрачной. В этой прозрачности открылся хаос первозданной энергии — кипящее, бесформенное море, которое удерживала воля восьми магов, чтобы оно не хлынуло в эту вселенную. На этом первая часть ритуала подошла к завершению, и они приступили к следующему — Координаты Оскита.

Двое магов синхронно создавали магические руны, которые начинали светиться и сплетаться. Каждый знак, оживая, оставлял в воздухе тонкий дымный след, который тут же втягивался в амулеты. А потом лучи ударили из амулетов и образовали в центре образ планеты Оскит — серо-красная сфера, пульсирующая в ритме с дыханием заклинателей. Лузвул монотонным голосом проговорил.

— Якорь установлен. Вектор возврата надёжно зафиксирован.

Его голос слегка дрогнул — слишком много силы проходило через него сейчас.

Маги синхронно издали ритуальный слоган. Их глаза вспыхнули ещё ярче.

Позади два этапа сложнейшего ритуала, но это не всё. Теперь нужно провести третий этап — Разрыв Пространства.

Они запели древние заклинания. Воздух загустел до состояния киселя. Запахло древней пылью и серой. Голоса магов слились в один непрерывный гул, от которого вибрировали стены, кости и сама кровь в жилах.

Внезапно кристаллы на посохах вспыхнули чёрным светом. Энергия высвобождалась из самого пространства.

Стены катера покрылись пульсирующими фиолетовыми прожилками. Реальность начала складываться, как лист бумаги, на котором нарисован мир. В центре шестиугольника появилась чёрная воронка с рваными фиолетовыми краями. Внутри не было ничего, ни света, ни тьмы, ни времени.

Магам удалось создать туннель в ткани пространства вселенной. Они всеми силами держали его стабильность, но обряд нужно завершить и провести заключительный аккорд — Бросок.

Лузвул поднял посох и начал создавать древнейшие руны. Маги нараспев читали заклинания. Тоннель расширился, и теперь они вместе с катером находились внутри этой магической невероятности. Лузвул резко направил посох с камнем прямо в тоннель.

— Перенесите нас, высшие силы, к нашему дому.

Маги резко замолчали. В тот же момент маги и штурмовики исчезли из этой вселенной и появились на планете Оскит.

Все происходило в мгновение ока. Именно на это мгновение они потеряли сознание. И как только короткое, беспощадное падение в ничто закончилось, к ним вернулось зрение. Они осознали, что тяжёлое путешествие между мирами закончилось. И главное — они остались живы. Так было не всегда. Риск таких обрядов огромен. Тем более он проводился без положенных в таких случаях жертв.

На земле медленно угасали последние руны обряда транслокации. Их зелёный свет таял, оставляя после себя только лёгкий запах статики и то особенное, холодное ощущение, которое бывает только у тех, кто заглянул за край реальности и вернулся обратно.

Пока маги Кыштынов сворачивали реальность вокруг катера, Лея и Ирина не сидели без дела. Они стояли на краю поляны, в том самом месте, где ещё минуту назад вибрировала ткань пространства, готового разорваться. Теперь здесь пусто, штурмовики и маги исчезли, а катер остался, совершенно пустой, чувствовался слабый запах озона и тёмной магии. Лея закрыла глаза, и в её сознании, за плотно сомкнутыми веками, развернулась картина, доступная только ей одной — река магии, пронизывающая всё сущее, планеты, звёзды, саму ткань реальности. Родник Реальности — источник магии, которая была из глубины вселенной, и теперь, после того как Чёрная и Золотая короны заняли свои места, он вновь обрёл русло.

Лея открыла себя этому потоку, и он хлынул в неё. Аватары драконов в центре Родника поняли её. Теперь она знала, как нужно вести контакт, чтобы не сгореть под напором энергии. Магия вливалась в неё широкой, полноводной рекой, наполняя её астральное тело. Она почувствовала себя сильной. Способной на всё.

Рядом с ней стояла Ирина, вытянув руки вперёд, и между ними тонкая, как паутина, пульсировала магическая линза — та самая, что должна сфокусировать удар, направить его точно в цель. Линза стабилизировалась, создав идеальный круг, внутри которого находилась сжатая до предела магия, готовая вырваться и ударить туда, куда укажет Лея.

Наступал последний акт пьесы.

— Пора, — сказала Ирина.

Лея кивнула. Она захватила максимум энергии — столько, сколько могла удержать, не разрушая внутренний баланс. Для дополнительного эффекта открыла временные порталы и сформировала копьё магии Аэра, так чтобы ударить с полной уверенностью в успехе и, чтобы ни у кого на планете Оскит не возникло сомнений в серьёзности её намерений.

Ещё раз всё внимательно проверив, рванулась к планете Оскит следом за группой архи-мага Лузвула.

Пространство вокруг её астрального тела схлопнулось, выбросило в чёрную пустоту между мирами, и на мгновение Лея почувствовала себя песчинкой в урагане магий, но быстро сконцентрировалась на задаче.

На Оските, недалеко от главного алтаря, группа магов Лузвула только начинала материализоваться. Сам он чувствовал, как его тело собирается воедино, как реальность тягивает его обратно, как под ногами появляется твёрдая, родная земля. Он видел очертания скал, знако-

мые с детства, чувствовал запах серы и древней пыли, слышал далёкий гул вулканов. Рядом с ним, медленно обретая плоть, возникали его маги, а за ними — штурмовики, те немногие, кто выжил в этой безумной авантюре. Он посмотрел на них с удовлетворением. Всё получилось, как задумывалось, как планировалось.

Оказалось, это не всё. Нужно закрепить возвращение обрядом — Прибытие. Нужно всё довести до логического конца, если не сделать этого, можно просто исчезнуть.

Поэтому, как только маги пришли в себя, увидели знакомое красноватое небо Оскита, подсвеченное снизу далёкими вулканами, облегчённо выдохнули и продолжили. Встали, образовали гексаграмму и начали речитатив последнего заклятия.

Лузвул медленно опустил посох. Свечение в его глазах угасло, и он торжественно объявил.

— Оскит принял нас. Обряд транслокации завершён, мы дома.

Маги смотрели на Лузвула с ожиданием. Он приходил в себя, путешествие и обряд порядком его вымотали. Маги тоже находились в состоянии выжатого лимона. Нужно восполнение магических сил. Тут проблем не было, они на родном Оските, пропитанном магией, которая бурным потоком хлынула в них, заполняя до отказа. От такого прилива они слегка впали в эйфорию. Но Лузвул быстро опомнился.

— Маги, мы вернулись, мы это сделали. Теперь второй пункт нашего плана — нужно закрепиться и взять власть на планете в свои руки. Приготовьтесь к удару царицы Леи...

Он вместе с магами ждал обещанного удара. И царица не подвела. Они приготовились к удару, и всё же он последовал неожиданно. Даже не последовал, а грянул. Произошёл магический взрыв чуждой магии такой силы, что мир вокруг перестал существовать на мгновение, просто исчез, растворился в белом, ослепительном сиянии, магии Текры, доведённой до абсолюта. Даже горы зашатались.

Кровавый Зуб, гигантский пик, возвышавшийся над Оскитом миллионы лет, дрогнул. Его каменное тело, казавшееся вечным, пошло трещинами, и эти трещины, глубокие, широкие, расходились в разные стороны, как паутина, плетённая безумным пауком. Главный алтарь из обсидиана — чёрного, гладкого, впитывающего свет — треснул. Звук был такой, будто сама планета переломилась пополам. И из трещины, из глубокой, тёмной раны в самом сердце святилища, во все стороны брызнула магия З'кыр.

Со стороны зрелище одновременно поражало и повергало в ужас. Тёмные, густые потоки, похожие на кровь, хлестали из алтаря, разлетаясь во все стороны, прожигая камень, испаряя атмосферу, оставляя за собой чёрные, дымящиеся шрамы. Это была та самая магия, которую Кыштыны копили веками, та, что возвращалась сейчас сконцентрированным пучком, направленным магической линзой Леи. Удар следовал за ударом. Лузвул уже испугался, полагая, что Лея решила разрушить Оскит, и спешно создал магический щит, пытаясь сдержать удар. Такая атака не походила на имитацию, и он реально испугался... Щит продержался секунду — не больше. А потом его разорвало, и архимаг, отброшенный ударной волной, полетел в сторону, ударился о скалу и потерял сознание.

Но атака не прекращалась, удары следовали один за другим, не давая опомниться, не давая вздохнуть. Магия Аэра — та, что текла в венах Леи, та, что была частью её самой, — ударила по Кровавому Зубу с такой силой, что скала, не выдержав, начала складываться внутрь себя, как карточный домик. Она рушилась не наружу — она рушилась внутрь, хороня под своими обломками всё, что находилось внутри. Цитадель Теней, сердце Оскита, место, где Кыштыны веками вершили свои тёмные ритуалы, где стоял главный алтарь, где хранились древнейшие артефакты, — всё это погрузилось в каменную тьму. Вместе с высшими магами, которые собрались там на совет. Вместе с теми, кто мог бы остановить Лузвула. Вместе с теми, кто мог бы покарать его за предательство.

Гора, именуемая Кровавым Зубом, перестала существовать. На её месте теперь возвышалась груда обломков, из-под которых, сквозь тонны камня, всё ещё поднимались сполохи магии З'кыр — последние отголоски того, что когда-то было сердцем Кыштынской империи.

Признаться, Лея не планировала разрушать центральный алтарь Кыштынов, просто так сложились обстоятельства. Ей повезло разрушить, Лузвуду повезло ещё больше — он избавился от проблем. Прошлое похоронено в толще коры планеты. Но действие продолжалось....

Лузвуд, лежавший на камнях в полукилометре от эпицентра удара, с трудом поднял голову. Кровь текла из рассечённой брови, заливая глаз и мешая смотреть. В ушах звенело, перед глазами всё плыло. Но он видел. Видел, как рушится гора. Видел, как гибнут те, кто ещё минуту назад были хозяевами этого мира. И в этом хаосе, в этом грохоте падающих камней, в этом визге умирающей магии, он услышал голос. Тонкий, далёкий, но отчётливый, как удар колокола.

— Лузвуд. Ты свой выбор сделал. Теперь доводи дело до конца. Цитадель пала. Алтарь разрушен. Высшие маги мертвы. Дорога к власти свободна.

Голос Леи, пробившийся сквозь пространство, звучал в голове архимага, и в этом голосе не было ни угрозы, ни приказа, а только совет к действию. Ответить он не мог, но подумал.

— Я уже думал, конец, царица, ты разрушишь мой мир. Оказалось, ты всего лишь выполнила условия договора... Да, что выполнила, — поправился он, — перевыполнила. Никто не заподозрит, что такой удар — всего лишь инсценировка.

Лузвуд медленно поднялся на ноги. Вокруг него, израненные, оглушённые, но живые, поднимались его маги. Урфул, держась за разбитую руку, смотрел на руины Кровавого Зуба, и в его глазах светилось нечто похожее на благоговение.

— Теперь власть моя, — тихо прошептал Лузвуд, и эти слова, произнесённые почти шёпотом, прозвучали как приговор старому миру. — Отныне и навсегда.

И в этот самый момент, когда обломки горы Кровавый Зуб всё ещё осыпались с глухим, сокрушительным грохотом, до Лузвуда донёсся ментальный импульс.

Он пришёл из глубины, там, где тонны камня погребли под собой то, что тысячелетия было сердцем Кыштынской империи. Импульс слабый, прерывистый, искажённый помехами умирающей магии, но Лузвуд узнал его сразу. Лирасса — высшая жрица, хранительница рун. Та, чья воля держала алтарь в те дни, когда даже великие маги отступали перед хаосом.

Часть Цитадели Теней в недрах горы сохранилась чудом. Важно было то, что там, под толщей камня, Лузвуд почувствовал энергию жизни двоих — Лирассы и Талерика — отмеченного даром предвидения. Это он предрёк падение первого алтаря триста лет назад. Тогда его сочли безумцем.

Голос Лирассы возник прямо в его сознании — сухой, надтреснутый, искажённый статикой умирающих чар. Высшая жрица вплетала свои мысли в саму вибрацию скалы.

— Лузвуд..., чувствую тебя. И магов круга принцессы Шерр. Чувствую чужую..., мощную..., положительную энергию. — Она сделала паузу. — Что случилось? Нужно принимать решение. Алтарь еле действует. Но пока действует. Нас осталось всего двое. Видимо, мы здесь останемся навсегда.

Она замолчала. И в этой тишине, среди падающих камней и умирающей магии, Лузвуд услышал то, что не было сказано вслух. Просьбу о том, чтобы их смерть, которая уже стояла на пороге, не была напрасной.

— Хотелось бы уйти в вечность с чувством выполненного долга, — продолжила Лирасса. — Говори, Лузвуд. Говори...

Лузвуд стоял, пошатываясь, приходя в себя. Кровь заливала глаз, но он не вытирал её. Он смотрел туда, где под обломками Кровавого Зуба, в уцелевшем осколке Цитадели, два жреца ждали его слова. Ждали, чтобы умереть с миром. С надеждой, что их смерть не будет напрасной.

— Ты права, Лирасса, — начал он. — Я вернулся.

Он замолчал на мгновение, собираясь с мыслями.

— В той вселенной, пробудилась сила и магия, которая намного сильнее нашей. Эта сила разметала наши легионы. И решила подчинить себе нашу вселенную вместе с нами.

Он чувствовал, как слова его падают в темноту и доходят до Лирассы, до Талерика.

— Понимая, что нужно спасти цивилизацию, я вернулся. Вернулся, чтобы закрыть разлом и отрезать от нас эту силу. Она рвётся в нашу вселенную.

Лузвул замолчал. В ушах звенело, перед глазами всё плыло, он ждал ответа. Молчание длилось вечность. А потом она ответила с пониманием.

— Силу удара я почувствовала на себе. Ты поступил правильно. Проводи ритуал, я и Талерик задействуем в последний раз центральный алтарь.

Лузвул закрыл глаза. Внутри него что-то дрогнуло, он испытал облегчение. План работал. Всё остальное не важно, старый мир уходил, на смену ему шёл он, Лузвул...

— Закрываем разлом, — продолжила Лирасса твёрдо. — Затягиваем разлом магией непроницаемости на все времена. Больше нам в той вселенной делать нечего.

Последние слова прозвучали как эпитафия. Цивилизация, которая веками считала себя центром мироздания, поняла, что она — лишь одна из многих. И что настало время уйти.

Лузвул повернулся к своим магам. Они стояли на камнях, израненные, оглушённые, но живые. В их глазах он увидел то, что хотел увидеть, — готовность идти до конца.

— Вы слышали, — сказал он. — Занимайте места. Будем закрывать то, что открыли наши предки.

«Печать вселенной»

Первым делом приступили к объединению кругов магов на поверхности и внутри горы. Маги Лузвула образовали внешний шестиугольник — вокруг того места, где ещё недавно возвышался центр горы. Там, глубоко под поверхностью, архимаги Лирасса и Талерик встали по обе стороны центрального обелиска — главного алтаря Оскита, чёрного, испещрённого древними рунами. Алтарь ещё действовал, напитанный магией З'кыр.

Лузвул шагнул на вершину обломка, возвышавшегося над обоими кругами. Его посох ударил о камень, и от посоха вниз ударила волна З'кыра, соединяя внешний круг с внутренним.

— Мы едины с магами центрального алтаря! — прогремел он. — Берём силу всех, кто лежит там внизу! Живых и павших!

Маги одновременно вонзили посохи в камень. Земля содрогнулась. Между поверхностью и глубиной вспыхнула ослепительная магическая нить З'кыра — живая, пульсирующая, как артерия самого Оскита. Они почувствовали Лирассу и Талерика..., всех павших высших магов. Их тела отдавали силу безмолвно, яростно, как последний крик воинов.

Посохи вспыхнули тёмно-фиолетовым адским пламенем. Скалы под ногами застонали. Из глубины хлынула тяжёлая, густая, как расплавленная ночь, энергия — часть от живых архимагов, часть от павших. Воздух над разломом загустел до состояния кипящей смолы. Чёрные нити чужой силы поднялись из трещин, извиваясь в агонии.

Лузвул воздел свой посох к багровому небу. Кристалл внутри загорелся маслянистым, бездонным чёрным светом — цветом самой бездны Оскита.

— Мы запечатываем! Мы закрываем навсегда! — прогремел он, и голос его разнёсся как гром. — Вселенная принимает добровольную жертву архимагов... и силу павших! Оскит, прими их!

Голоса Лирассы и Талерика, усиленные алтарём, слились с хором магов Лузвула и с безмолвным рёвом павших в один грозный, вибрирующий гул, от которого дрожала сама гора. Энергия текла и сплеталась над разломом в ослепительную паутину древних рун. Каждый знак вспыхивал, как звезда, и вживался в ткань реальности.

Разлом пришёл в движение и начал зарастать. Его рваные края чернели и осыпались, словно обугленная плоть.

Маги на поверхности одновременно опустили посохи. В тот же миг глубоко под землёй Лирасса и Талерик в полную силу активировали алтарь, а тела павших высших магов вспыхнули последним, ослепительным светом, отдавая всё до последней искры.

Из магической связки вырвался чудовищный столб почти жидкой тьмы и ударил прямо в центр зарастающего разлома.

— Исчезай, проход в другую вселенную! — взревел Лузвул, вкладывая в крик всю свою душу. — На все времена! На все миры!

Маги запели гимн славы и силы, поверхность вздрогнула, как будто от землетрясения. Лузвул опустил посох и ментально провозгласил.

— Архимаги Лирасса и Талерик, погибшие маги, Оскит принимает вашу жертву — и добровольную, и невольную! Да будет так!

Воздух взорвался. Реальность вокруг разлома сложилась. Чёрная завеса стусилась, стала абсолютной, непроницаемой, вечной. Последний луч чужого света мигнул и растворился в вечности.

Когда грохот стих, Лузвул открыл глаза.

Пейзаж вокруг остался прежним, те же изломанные скалы, то же багровое марево вулканов, те же далёкие туманности. Но мир изменился до основания.

Гнетущее давление полностью отступило. Ледяной привкус чуждой положительной магии растворился. Лузвул почувствовал это каждой клеткой тела, каждой каплей крови. Вселенная приобрела целостность. Лузвул медленно опустил посох. Свечение в его глазах угасло.

— Мы сделали это... — тихо, но торжественно произнёс он, чтобы услышали все. — Мы спасли нашу вселенную от разрушения. Больше никто здесь не появится. Вселенная закрыта для гостей навсегда.

На разбитых скалах медленно гасли последние руны. Их тёмно-фиолетовый свет таял в воздухе, оставляя после себя особенное, холодное, священное ощущение выполненного долга, свершивших великую миссию.

Но странность всё же была. Глубоко в пещере Лирасса и Талерик... остались живы. Они стояли на пороге вечности, но вечность их пока не принимала. Сердца их бились в унисон с алтарём, тела светились последним светом. Но в тот самый миг Оскит даровал им отсрочку. Оскит, суровый и древний, словно шепнул им: «Ещё не время. У вас остались незаконченные дела». Архимаги открыли глаза в темноте пещеры, сжали руки крепче и улыбнулись сквозь боль. Их великий путь продолжался.

Разлома больше не существовало. Вселенная запечатана наглухо. Лузвул медленно опустил руки. Тяжёлое торжество разлилось по его венам. Да, он предал принцессу Шерр. Да, он оставил её там, за гранью, в лапах силы, которую невозможно победить. Он похоронил в недрах Кровавого Зуба магов круга, своих соратников и соперников, сделав их частью своей силы. Но оно того стоило. Тысячелетия за спиной Шерр были долгой мощной школой. Он учился у неё мудрости, жестокости и терпению. Теперь ученик превзошёл учителя. Он был жив, он был здесь, и он был единственным, кто мог удержать обломки этой цивилизации.

— Лузвул... — голос Лирассы в сознании Лузвула едва различался и напоминал шелест умирающего костра. — Получилось... Мы спасли Оскит. Мы спасли народ Кыштынов...

В её ментальном взгляде не было подозрения. Только радость. У неё почти не осталось сил на то, чтобы просканировать сознание Лузвула. Она решила идти дальше. Со стороны всё виделось так, будто Лузвул делом доказал свою преданность. Поэтому она продолжила.

— Ты сыграл главную роль в защите нашей вселенной. Ты вернулся, когда другие бежали. Тебе и нести бремя власти. Поэтому тебе придётся стать Королём нашей древней цивилизации

и вести её дальше. Времени мало, я чувствую, мой конец близок. Я должна короновать тебя. Собери народ.

Лузвул даже растерялся от такого поворота. Он ожидал долгой борьбы за трон, интриг и подавления бунтов, но всё пошло иначе, судьба сама вкладывала ему в руки корону, омытую кровью и магией. Он посмотрел на израненных магов вокруг — их было слишком мало для великого провозглашения.

Тогда он принял решение, достойное великого правителя. Он не стал ждать. Он открыл свой разум и позволил Лирассе соединиться с ним через магию З'кыр — древнюю магию связи их расы, связывающую каждого Кыштына, где бы он ни находился. Талерик присоединился и поддержал связь.

Их объединённый зов ударил по планете, резонируя в каждой голове, в каждом убежище, в каждом Кыштынском сердце.

— Хорошее решение, Лузвул, — прошелестел в сознании ответ Лирассы, наполненный торжественной печалью. — Я не ошиблась в тебе. Начинаем. Поднимись на вершину Кровавого Зуба. На то, что от него осталось.

Лузвул не стал тратить силы на подъём. Он просто шагнул в складку пространства и материализовался на самом пике разрушенной скалы, возвышаясь среди руин, как чёрный обелиск.

— Жрица Лирасса, я на месте, — его голос, усиленный магией, разнёсся над мёртвыми долинами.

— Народ великой цивилизации Кыштынов! — голос Лирассы зазвучал в умах миллионов, величественный и отрешённый. — Слушайте волю своей последней Жрицы. Советник Лузвул спас наше будущее. Он единственный, кто не отвернулся от Оскита в час гибели. Он тысячу лет впитывал мудрость принцессы Шерр и теперь готов вести нас за собой, и он достоин это сделать.

Наступила тишина, прерываемая лишь воем ветра. Кыштыны внимали своей жрице и, конечно, верили безоговорочно. Она продолжила.

— Теперь, когда круг высших разорван и принцесса Шерр пала, я провожу обряд посвящения. Властью Алтаря и кровью Оскита — Лузвул нарекается вашим Королём и Верховным Магом. Примите своего правителя!

В этот момент из-под земли вырвался последний, ослепительный луч изумрудной энергии. Он окутал фигуру Лузвула, выплавляясь в его ауру, превращая его плащ в мантию из живого света. Это была не просто коронация — это была передача прав на самую магическую реальность планеты.

В этот момент и Лирасса, и Талерик перестали существовать, выполнив свой долг и превратившись в прах. По сути, они стали жертвой этого ритуала.

Ирина в своей вселенной посмотрела на Лею и улыбнулась, она почувствовала всё, что там произошло.

— Ну что, подруга, мы это сделали, мы запечатали разлом и изолировали вселенную Кыштынов на все времена.

— Это победа, Лея, огромная победа.....

Глава 15

Артамонов снова в деле

Иван Всеволодович Артамонов стоял по колено в густой, влажной траве, медленно обводя взглядом поле недавней битвы. Воздух здесь тяжёлый, пропитанный запахом озона, гари и сладковатым ароматом умирающей магии. Джунгли вокруг затихли, словно сама природа затаила дыхание после катаклизма.

Взору открывалась сюрреалистичная картина. Поверженные драконы, ещё минуту назад угрожавшие клыками и пламенем, теперь таяли на глазах. Их чешуя, прочная как сталь, становилась полупрозрачной, рассыпаясь на мириады светящихся частиц. «Родник Реальности» забирал своих слуг обратно, стирая вторжение из ткани другого мира. Огромные туши превращались в туман, который поднимался к небесам, не оставляя после себя даже костей.

Артамонов перевёл взгляд на пленных штурмовиков. Они стояли группой под конвоем, опустив головы, ожидая своей участи. Иван хотел было отдать приказ об их конвоировании, но мысль ещё не успела оформиться в команду, как внезапно по просеке пронёсся странный порыв ветра — холодный, пахнущий сталью и далёким космосом. На долю секунды пространство вокруг пленных исказилось, покрылось рябью, и штурмовики просто исчезли. Испарились, не оставив даже тени. В джунглях остались лежать только мёртвые, чья искра жизни уже не интересовала магический зов.

Моргнув, Артамонов обнаружил, что место перед ним пусто. Штурмовики исчезли. Просто растворились в воздухе, словно их и не было.

— Вот и поговорили, — тихо пробормотал Иван, чувствуя неприятный холодок между лопаток.

Он повернулся к катеру, на котором прилетел советник противника. Машина стояла нетронутой, её обтекаемый корпус тускло поблёскивал в свете местных солнц. Артамонов кивнул одному из своих бойцов:

— Проверь борт.

Штурмовик в экзоскелете немедленно исполнил приказ, быстро преодолев расстояние до люка. Через минуту он вернулся, и на его лице, скрытом забралом шлема, читалось полное недоумение. Разгерметизировав шлем, доложил, и в его голосе сквозила растерянность.

— Лидер, никак не привыкну к этим магическим штучкам... Никого в катере нет. Ни души. Пульты не работают, системы деактивированы, будто он здесь век стоял.

Артамонов внутренне горько усмехнулся. Слово «Лидер» резануло слух, как неправильно взятая нота.

«Какой я Лидер? — пронеслось в голове. — Разве что бывший. А теперь вот места себе не найду, всё время затыкаю дырки в чужих планах. Сначала война, теперь эта магия...».

Он махнул рукой, отгоняя тяжкие мысли, и ответил спокойно, но твёрдо.

— Давай без «Лидера». Обращайтесь ко мне как раньше. На старом «Коршуне».

Боец выпрямился, и в его глазах мелькнуло облегчение. Военная иерархия была понятнее магических титулов.

— Слушаюсь, командир!

«Другое дело, — подумал Артамонов, чувствуя, как плечи немного расправляются. — Нейтрально и понятно».

Он снова взглянул на инопланетный катер. Бросать такую технику — непозволительная роскошь.

— Адмирал, — обратился он к стоящему рядом Фу-Линю, — пошли своих пилотов на катер кыштынов. Бросать жалко. Если активируют — возьмём с собой. Техника есть техника, будь она хоть трижды проклята магией.

Фу-Линь кивнул. Ему импонировало подчиняться военному, человеку дела, а не учёному или политику, теряющемуся в терминах. Поэтому распоряжения он выполнял с видимым удовольствием, чувствуя знакомую армейскую чёткость.

Через некоторое время, когда пилоты уже возились в кабине захваченной машины, Фу-Линь вернулся с докладом.

— Командир, катер на ходу. Системы управления универсальные, наша команда разобралась быстро. Можем забирать.

Он оглядел свой отряд и, взглянув на небо, где сквозь кроны деревьев едва пробивалась синева, проговорил.

— Но всё равно нас мало. Мы здесь как на ладони. На орбите стоит Аэтрионский флот. Хорошо бы его подтянуть, иначе следующий удар десанта противника мы можем не пережить.

Артамонов медленно провёл ладонью по лицу, стирая липкий пот и пыль. Джунгли дышали жаром, и даже в тени гигантских папоротников было душно, как в бане. Он посмотрел на адмирала Фу-Линя, чья фигура казалась непривычно статичной на фоне буйства местной природы.

— Согласен, адмирал, мысль хорошая, флот на орбите — это козырь, который мы пока не разыграли. Но есть одно «но».

Он сделал паузу, глядя, как мимо них проносят раненого бойца на импровизированных носилках.

— Боезапас израсходован в предыдущих баталиях. Надо бы пополнить запасы, иначе эти корабли — просто громоздкие мишени.

Фу-Линь нахмурился, его пальцы нервно барабанили по рукояти бластера.

— Кто бы возражал, командир. Вопрос в том — как и где? Склады противника разрушены.

Артамонов вдруг осенило. Он резко повернулся к адмиралу и спросил.

— Адмирал, а кто вообще командует флотом сейчас? Кто на мостике флагмана?

Фу-Линь развёл руками, и в этом жесте читалась вся абсурдность ситуации.

— Похоже, никто, командир. Там вакуум власти.

— Вот тебе раз... — Артамонов покачал головой, и в уголках его глаз залегли глубокие морщины. — Как такое может быть? Флот не может без командира.

— Ну как... — Фу-Линь понизил голос, оглянувшись на своих людей. — Командовал Лузвул. Тот, который сбежал, когда мы освободили экипажи и подняли мятеж. А теперь там вольница.

Артамонов задумчиво посмотрел на небо, скрытое кроной деревьев. Там, за пределами атмосферы, барражировала мощь, способная стереть планету с лица земли. И она бесхозная.....

— Адмирал, флот нам нужен. Хаос нам не помощник. Берите флот под контроль. Я назначаю вас командующим этим флотом.

Фу-Линь моргнул. В его взгляде мелькнуло нечто сложное — смесь благодарности, сомнения и осторожности.

— Спасибо, конечно, командир. Но... кто меня представит?

Артамонов усмехнулся. Усмешка вышла тёплой, живой.

— Как кто, адмирал? Я, конечно. Кто же ещё?

Он кивнул связисту, который тут же протянул ему компактную комм-панель. Экран вспыхнул зелёным светом.

— Оператор, связь с флагманом «Светоч Ксенона».

В динамике зашипело. Секунда тишины показалась вечностью. Затем статика исчезла, и возник голос — сухой, металлический, с ноткой напряжённого ожидания.

— Флагман на связи. Капитан Гучи слушает.

Артамонов заговорил на аэтрионском.

— Говорит командир освободительных сил Аэтриона, доложите обстановку.

— Командир, как вас зовут? — уточнил капитан Гучи.

— Артамонов Иван Всеволодович — командующий объединёнными силами планеты.

Повисла пауза. Слышно было лишь тихое гудение аппаратуры на том конце связи.

— Вы прилетели с Создателями? — голос капитана дрогнул. В этом вопросе звучала надежда, смешанная со страхом.

— Именно так. Вы не ошиблись, капитан. Мы здесь, чтобы освободить планету и народ Аэтриона, и уже делаем это.

— Мы в курсе. Вы освободили нас... — Гучи выдохнул облегчённо. — Для нас честь иметь такого командира. Докладываю: флот потрёпан в битве с Умгарцами, но боеспособен. Однако необходимо срочно пополнить боезапас и провести мелкий ремонт систем навигации.

Артамонов посмотрел на Фу-Линя, словно проверяя, слышит ли он то же самое.

— Понял, капитан. Сколько кораблей на ходу? Не требующие доков, только пополнение боезапаса?

— Три сотни, командир. Остальные либо в дрейфе, либо требуют серьёзного ремонта.

— Однако, капитан, неплохо. — Артамонов почувствовал, как внутри разливается спокойная уверенность. Триста кораблей — это сила. — Ставлю вас в известность, капитан, Лузвул, который командовал флотом, убыл в свою вселенную. Мы закрыли разлом. Больше оттуда никто не прибудет, и помощи врагу ждать неоткуда. Осталось разобраться с оставшимися здесь штурмовиками и зачистить периметр.

— Отлично, командир. Ждём приказа. Мы пойдём за вами в бой.

Артамонов, довольный разговором, кивнул, хотя капитан этого не видел.

— Капитан, назначаю временно командующим флотом адмирала Фу-Линя. Он в цивилизации Создателей командует флотом. Вас назначаю заместителем командующего. Остальные назначения проведёте сами на месте. Вы знаете экипажи и офицеров флота лучше.

— Слушаюсь... — голос Гучи стал твёрже, жёстче.

— Это не всё. Берите действующие триста кораблей и летите на складские терминалы. Пополняете боезапас по максимуму.

— Слушаюсь.

— Командующий Фу-Линь скоро прибудет на флагман.

— Встретим, командир. Как положено. С почестями.

— Ну и отлично. Действуйте. Конец связи.

Артамонов отключил панель связи и вернул её связисту. Тот принял аппарат бережно, как драгоценность, и отошёл в сторону.

Артамонов повернулся к Фу-Линю. Адмирал стоял неподвижно, руки за спиной, взгляд устремлён куда-то вверх, за облака, туда, где на орбите ждали своего часа триста кораблей.

— Не передумал, адмирал?

Фу-Линь медленно повернул голову и ответил.

— Я никогда не отступал перед трудностями, командир.

— Тогда действуй, — в голосе его прорезались командные нотки, те самые, которые вели «Коршун» через самые безнадёжные переделки. — Как толькополнишь боезапас — доложи. Скоро предстоит битва. Скорее всего, с древним кыштымским флотом. — Он помолчал, давая словам осесть. — Времени у нас немного. Шерр не простит нам того, что мы здесь сделали.

Фу-Линь слушал внимательно, кивая. Он уже просчитывал в уме маршруты, диспозицию, возможные варианты пополнения — всё то, что опытный флотоводец прокручивает в голове, получая приказ.

— Понял, командир. — Он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Пилотов и штурманов с наших катеров я забираю. С кем-то я должен работать, на кого-то опираться. Три корабля — это не эскадрилья. Мне нужны люди, которым я могу доверять.

Он вздохнул. Война — это всегда математика. Жестокая, беспощадная, не прощающая ошибок.

— Бери, конечно, пилоты твои. Но одного можешь оставить. — Он усмехнулся краешком губ, и в этой усмешке было что-то мальчишеское, почти озорное. — Я сам поведу шаттл. Не разучился ещё, надеюсь.

Фу-Линь посмотрел на него с уважением. В их мире командиры редко брали на себя такое — слишком велик риск, слишком многое поставлено на карту. Но Артамонов из другой породы.

— Береги себя, командир, — сказал Фу-Линь, и в этих простых словах было больше, чем в любых прощальных речах.

Он козырнул — по-военному чётко, без лишнего пафоса — и, развернувшись, зашагал к своему шаттлу. Его фигура, прямая, подтянутая, быстро растворилась в зелёном сумраке джунглей, и Артамонов остался один.

Мысли бежали, обгоняя одна другую: Верочка на центральном континенте, одна. Долго не выдержит. Шерр скоро опомнится, соберёт силы, ударит снова. Надо лететь. Немедленно.

— Надо торопиться...

Он развернулся и быстрым, решительным шагом направился к шаттлам, отдавая команды на ходу готовиться к старту. Бойцы, уже привыкшие к его стилю, не задавали лишних вопросов — они просто делали своё дело, и это было главное.

Когда последний ящик с припасами был закреплён, а бойцы заняли своё место, Артамонов поднялся на мостик шаттла. Перед тем как дать команду на взлёт, он запросил связь с Вроном. Золотой дракон, вожак стаи, ответил сразу — словно ждал этого вызова.

— Вожак, — голос Артамонова был спокоен. — Драконы бились по-настоящему дерзко. Мощно. В результате чего мы победили! Разлом закрыт. Кыштынов здесь больше не будет.

Врон молчал, но Артамонов чувствовал, как дракон слушает, как его огромное, древнее сознание вбирает каждое слово, оценивает, взвешивает. И когда он заговорил, в голосе его было то, чего Артамонов не ожидал услышать — уважение.

— Биться с тобой — честь, командир, — голос Врона прозвучал твёрдо, и в этом обращении — «командир», а не «человек», не «чужеземец» — было признание. — Мы полетим за вами. Вместе справимся.

— Я не против, вожак. Но согласуй этот вопрос с Роном. Он ваш верховный. Я не хочу, чтобы из-за моего приказа у вас начались разногласия.

Врон молчал секунду, другую. А потом в его голосе, обычно сухом и деловитом, проскользнуло что-то вроде усмешки.

— Слушаюсь, командир.

Связь прервалась, и Артамонов, не медля больше ни секунды, дал команду на взлёт.

Шаттлы взревели двигателями, вздыбив траву на поляне, и устремились в голубое, безоблачное небо. Артамонов смотрел в иллюминатор. Там, внизу, осталось то, что они пережили здесь, на этой чужой, но уже почти родной планете.

Рон разрешил стае принять участие в битве, и теперь под крыльями драконов расстилались джунгли, потом горы, потом равнины.

Артамонов, пилотируя шаттл, перевёл взгляд на приборы, проверил курс, и на губах его заиграла лёгкая, почти незаметная усмешка.

— С Богом, — прошептал он тихо.

Глава 16

Посланица в ступоре

Шерр стремилась поскорее долететь до своего могучего Кыштымского флота. Она задействовала двигатель на полную мощность, и истребитель, ещё минуту назад казавшийся просто быстрой машиной, превратился в комету, рассекающую темноту космоса. За бронированным стеклом кабины звёзды превратились в размытые, вытянутые полосы света, а приборы, отражающие скорость, давно перешагнули все мыслимые пределы. И всё же времени потребовалось много. Флот находился далеко — на самой границе системы, там, где гравитационное влияние звёзд ослабевало, уступая место холодной, абсолютной пустоте межзвёздного пространства.

Шерр летела одна. Её звено осталось там, внизу, разбитое зенитным огнём и магией. Её маги круга исчезли вместе с Лузвумом, предав в самый ответственный момент. Её легионы, её штурмовики, её власть — всё это осталось на планете, которую она уже почти захватила. Теперь — это осталось в прошлом. И всё же удар был необходим. Она убеждала себя в этом, сжимая штурвал с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Да, внизу, на Центральном континенте, остались её легионы. Они отразят атаку драконов и аэтрионцев. Они держались века — продержатся и ещё немного. А в это время она, Шерр, возглавит свой секретный флот — ту последнюю надежду, ту силу, которую она копила столетиями, скрывая от всех, даже от самых верных слуг. И нанесёт решающий удар.

Принцесса откинулась в кресле, позволяя себе на мгновение расслабиться, и прокрутила в голове расклад. Создатели... Что они могут противопоставить ей? Один корабль. Один-единственный крейсер, пусть и мощный, но всё же — это не армия. И Эфирарх. Да, у неё есть сила. Да, она смогла удивить её в тронном зале. Но теперь у Шерр есть оружие. Новая магия. Коктейль из В'хоры и З'кыра, который она испытала на драконах. Он работал. Он пробивал любую защиту. И он нанесёт поражение Эфирарху. Так она думала. Так она заставляла себя верить в это. Впереди, на фоне черноты космоса, наконец показался флот.

Сначала просто россыпь темных пятен. Но с каждой секундой, которую проглатывал её истребитель, они росли и все более наливались абсолютным мраком.

Сначала это казалось скоплением блуждающих астероидов, хаотично дрейфующих в пустоте. Но, по мере приближения, оптические сенсоры начали прорисовывать детали, от которых веяло древним холодом. Они походили на выпотрошенные малые луны и захваченные гравитацией планетоиды, закованные в адамантовую броню и испещрённые руническими жилами.

Флот величественно и страшно разрезал пустоту. Каждый линкор-астероид нёс на себе следы древней, грубой мощи. Кратеры превращены в пусковые шахты, хребты скал — в террасы для исполинских орудий. В центре этого парада царил Флагман.

Огромный планетоид, превращённый в крепость. Его поверхность ошетилилась лесом стволов такого калибра, что один залп мог сорвать атмосферу с обитаемого мира. Корабль-город. От него исходила тяжёлая, осязаемая даже сквозь обшивку аура подавления. Казалось, сама пустота вокруг него становится плотнее, подчиняясь воле этого невероятного монстра.

Шерр смотрела на это величие, и на её губах заиграла змеиная улыбка. Боевые палубы флагмана сверкали холодными огнями готовности. Тысячи мелких кораблей и катеров сопровождения роились вокруг планетоида.

Шерр сбросила скорость. Флот величественно и неторопливо разрезал просторы космоса. Он двигался как живое существо — медленно, но неотвратно, и каждое его движение рассчитано, выверено, безупречно. Они шли к цели — к Роване, к планете, где ещё кипел бой, где ещё оставались легионы Шерр, где ещё можно было переломить ход войны.

Шерр смотрела на этот флот, и внутри неё боролись два чувства. Гордость — за то, что она создала, за силу, которую накопила, за мощь, которая сейчас принадлежала только ей. И

страх — холодный, липкий, который она не позволяла себе признать даже в мыслях. Слишком много было поставлено на карту. Слишком много она вложила в эту игру. И если проиграет... Об этом даже думать не хотелось...

Внезапно в кабине ожила обычная радиосвязь. Сухой, лишённый эмоций треск статики полоснул по ушам. Шерр невольно вздрогнула — в мире, где она привыкла полагаться на тонкие магические нити и ментальный резонанс, этот примитивный технологический сигнал показался ей пережитком прошлого.

— Внимание, неопознанная цель! — голос в динамиках лишён интонаций живого существа. — Вы вошли в закрытый периметр «Нулевого сектора». Назовите себя и транслируйте код допуска. В противном случае вы будете дезинтегрированы через пятнадцать секунд. Орудийные системы захватили цель.

Шерр бросила быстрый взгляд на диагностическую панель. Проклятье, её транспондер повреждён в недавней стычке — прибор мигал серым, мёртвым цветом. Она поняла, что для автоматических пушек астероидов-линкоров она сейчас — всего лишь мусор, подлежащий аннигиляции.

— Говорит Принцесса Шерр, — процедила она сквозь зубы, стараясь, чтобы голос не дрогнул от ярости.

Она начала диктовать длинный, многоуровневый буквенно-цифровой код. Каждое слово отзывалось в памяти эхом былых времён, когда этот флот только создавался как гарант её вечной власти. Последовала томительная пауза. Шерр видела, как массивные турели на ближайшем астероиде начали медленный, неотвратимый разворот в сторону её крошечного истребителя.

— Цель опознана. Протоколы лояльности подтверждены, — наконец ответил голос, и в нём проскользнула тень подобия почтения. — Принцесса Шерр, добро пожаловать на борт флагмана. Флот пребывает в состоянии высшей боевой готовности и ждёт приказа. Докладывает командующий сектором и высший тёмный маг Сурун. Посадочный луч активирован. Удерживайте вектор.

— Хорошо, Сурун, — Шерр шумно выдохнула, чувствуя, как липкий пот холодит спину. — Моя система захватила посадочный луч, скоро буду.

— Ждём, принцесса.

Истребитель, подхваченный невидимой силой посадочного луча, мягко скользнул в зев транспортного шлюза. Шерр ожидала увидеть обычный док, но то, что открылось её взору, заставило даже её сердце забиться быстрее.

Ангар флагмана оказался настолько велик, что его дальние края терялись в искусственном тумане систем охлаждения. Потолок уходил в бесконечную высь, теряясь в переплетениях силовых кабелей и рунических цепей. Бесконечные, идеальные ряды штурмовиков и перехватчиков заполняли палубу до самого горизонта, напоминая застывшее море из воронёной стали. Здесь пахло озоном, древней пылью и застоявшейся магией.

Шерр опустила машину на посадочную плиту. Гул двигателей затих, сменившись едва слышным шипением выравнивающегося давления. Она откинула прозрачный купол кокпита и легко соскочила на палубу. Подошвы сапог звонко ударились о металл, и этот звук эхом разнёсся под сводами ангара.

Навстречу ей уже шёл Сурун. Его высокая, иссушенная фигура затянута в тяжёлую мантию из тёмного шёлка, расшитую символами магии З'кыра. Лицо мага походило на пергаментную маску, в прорезях которой горели два холодных, безжалостных зелёных огонька. Он остановился в нескольких шагах, склонив голову ровно настолько, насколько требовал этикет по отношению к монарху, сохранившему власть.

— Моя принцесса, — его голос звучал как шелест сухой листвы. — Флот «Спящих» пробуждён. Энергоблоки вышли на проектную мощность. Мы несём возмездие всем, кто против

вас. Мы готовы к бою. Нам осталось лишь дожидаться вашей воли, чтобы стереть недоразумение, под названием Рована, с лица космоса. — Сделал паузу и добавил, учтиво склонив голову. — Ваше прибытие, принцесса, большая честь для нашего флота.

— Командующий, поберегите комплименты до лучших времён, — голос Шерр прозвучал резко. Она не сводила взгляда с бесконечных шеренг истребителей. — Враг хитер и куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. Грядущая битва может оказаться самым трудным делом в истории нашего рода. Помните об этом, прежде чем праздновать победу.

Сурун лишь плотнее сомкнул тонкие губы.

— Мы пробудились не для того, чтобы сомневаться, принцесса. Мы готовы к любым испытаниям. Каждый корабль этого флота пропитан жаждой действия.

— Посмотрим, командующий... посмотрим. Ведите меня в рубку. Мне нужно видеть общую картину, а не этот стальной склеп.

Сурун коротко кивнул и зашагал впереди, его мантия едва слышно шуршала по идеально отполированной палубе. Внезапно от монолитной стены ангара с мягким, едва уловимым гулом отделился серебристый каплевидный аппарат. Он двигался плавно, не касаясь пола.

— Принцесса, прошу вас, — Сурун учтиво распахнул дверцу, открывая доступ в салон, обитый чем-то, напоминающим тёмную чешую.

Шерр не стала медлить. Стремительно села в глубокое кресло, которое тут же приняло форму её тела, фиксируя суставы. Как только Сурун занял место напротив, аппарат рванул с места. Капля вошла в транспортный тоннель, и крышка за ними захлопнулась с герметичным щелчком.

Старт оказался таким мощным, что Шерр на мгновение показалось, будто её позвоночник впредсавали в кресло. Скорость нарастала с пугающей прогрессией. Тоннель превратился в сплошную световую вспышку. Аппарат закладывал виражи под немыслимыми углами, преодолевая инерцию лишь благодаря мощным гравитационным компенсаторам. Самые экстремальные аттракционы древности показались бы лёгкой детской забавой по сравнению с этим безумным слаломом внутри недр планетоида.

Наконец, капля замерла так же внезапно, как и стартовала. Шерр глубоко вдохнула, подавляя тошноту и головокружение. Она не позволит этим выхолащенным слугам увидеть слабость своей принцессы. Поднявшись с кресла с безупречной осанкой, она последовала за командующим к массивной переборке мостика. При их приближении переборка с шипением ушла в сторону, обнажая святая святых флагмана — центр управления. Сурун отступил, пропуская Шерр вперёд.

Принцесса вошла в огромный зал, напоминающий одновременно центр управления полётами и древний храм. Потолок терялся во тьме, а стены заставлены аппаратурой, назначение которой понимали лишь посвящённые. Тысячи индикаторов мерцали. Операторы в строгих тёмных униформах синхронно поднялись, приветствуя свою госпожу безмолвным, дисциплинированным поклоном.

В самом центре зала, на возвышении, мерцал обсидиановый алтарь. От него исходил холодный дым или пар, который не поднимался вверх, а стелился по полу, закручиваясь в спирали. Вокруг алтаря застыли маги круга флота — неподвижные, словно статуи.

Один из них, чьё лицо было изрезано глубокими морщинами, а борода отливала серебром, отделился от группы. Он подошёл к Шерр и медленно, с достоинством преклонил колено.

— Принцесса Шерр... Большая честь видеть вас здесь и сражаться под вашим руководством, — его голос вибрировал от скрытой мощи. — Я архимаг этого флота, Моон. Я и мой круг жрецов — ваши верные проводники в мире теней.

— Хорошо, архимаг, — Шерр прошла к центральному терминалу. Она чувствовала, как внутри нарастает холодное предчувствие. — Докладывайте статус каналов связи с Оскитом? Поступает ли оттуда энергия З'кыра?

Она задала вопрос формально, ожидая услышать о стабильном потоке, который напитает её новую магию перед решающим ударом. Но то, что последовало за этим, ударило по ней сильнее, чем любая плазменная пушка.

Моон поднял голову. В его глазах, обычно полных магического огня, теперь зияла пугающая, мёртвая пустота.

— Моя принцесса... — он запнулся, и это замешательство архимага было страшнее любого крика. — Канал... оборван. Мы не просто потеряли сигнал. Оскит... Оскит замолчал. Великая сеть З'кыра больше не резонирует с нашей реальностью. Мы словно ослепли и теряем силу.

Шерр замерла. Мир вокруг неё на мгновение качнулся. Она знала, что Лузвул должен был защищать Разлом любой ценой. Остановка потока З'кыра означала только одно — планета Оскит отрезана от этой вселенной. Источник её абсолютной власти на этой планете только что перестал существовать.

Архимаг Моон продолжал свой доклад, запинаясь. Его голос, обычно глубокий и властный, теперь звучал жалко, дребезжа под сводами рубки. Он кожей чувствовал, как от Принцессы начинают исходить волны ледяного гнева, предвещающие скорую расправу.

— Принцесса... связь была безупречной. Мы поддерживали стабильный резонанс с магами Центрального Круга на Оските. Магия З'кыра текла настоящей рекой, густой и чистой. Мы успели до отказа наполнить ею все накопители флота. Резервуары флагмана полны под завязку, — он сглотнул, не смея поднять глаз.

Шерр медленно повернулась к нему. Её глаза сузились до тонких щелей, в которых опасно блеснул багрянец.

— Архимаг, я не люблю загадок. Я задала прямой вопрос — сейчас связь есть или нет?

Сурун, стоявший чуть поодаль, медленно развёл иссохшими руками. Раздался неприятный скрип его суставов, похожий на скрежет несмазанных механизмов.

— Связи нет, принцесса. Вообще ничего нет. Пустота. Нет потоков, нет отклика рун... нет ни единого признака того, что наш Оскит вообще доступен в этой реальности.

Шерр на мгновение замерла, не веря собственным острым ушам. Воздух вокруг неё зазвенел от статического напряжения.

— Что ты мелешь, архимаг?! — её голос сорвался на ледяной шёпот. — Этого не может быть. Я лично была на связи с Советом Оскита всего несколько часов назад...

Она резко замолчала, обрывая фразу на полуслове. Её лицо превратилось в неподвижную маску. Не дожидаясь новых докладов, Шерр закрыла глаза и выбросила в пространство нить магии высшего приоритета. Это был её личный «золотой аркан», способный прошить любые расстояния и преграды. Она направила его туда, где пульсировало сердце её империи.

Нить прошла вакуум, достигла координат, где веками пребывал Оскит, и... пролетела насквозь. Она не встретила ни сопротивления атмосферы, ни магического купола, ни гравитационного колодца планеты. Аркан устремился дальше в бездонную пустоту, пока окончательно не истончился и не растаял в бесконечности.

Лёгкая, липкая паника коснулась сознания Шерр. Оскит и маги Круга были константой её бытия, незыблемой скалой. А теперь всё исчезло. В подсознании уже всплывало страшное понимание, но разум отказывался его принимать, отталкивая, как нечто невозможное.

Она сделала глубокий вдох и выбросила широкий сканирующий луч — мощный магический радар, охвативший весь сектор, где должен был находиться Разлом. Увы. Ни пульсации портала, ни массивного тела планеты Оскит. Только холодные, безучастные звёзды.

Она не могла ошибиться в координатах — она знала этот сектор как свои пять пальцев. Надежда на технический сбой умирала последней. Утопающий хватается за соломинку, и она попыталась это сделать.

— Командующий, — бросила она Суруну, не открывая глаз. — Немедленно проверьте сектор космоса по координатам планеты Оскит. Используйте все системы слежения флагмана и сканирования.

— Слушаюсь, принцесса, — Сурун бросился к терминалам, его пальцы замелькали над сенсорными панелями.

Минуты ожидания казались вечностью. В рубке повисла такая тишина, что было слышно, как гудит охлаждающая система обсидианового алтаря. Наконец, Сурун выпрямился. Его лицо, и без того бледное, казалось теперь вырезанным из чёрной кости.

— Принцесса. В указанном секторе ничего не обнаружено. Вообще ничего. Координаты пусты. Ни планеты Оскит, ни сигнатуры Разлома. Пространство абсолютно чистое и стабильное.

— Вы уверены? — Шерр открыла глаза. В них больше не было гнева — только холодная, расчётливая пустота.

— Уверен, принцесса. Мы провели три перекрёстных сканирования. Объекты изъяты из системы координат.

Шерр медленно выдохнула. Мир, который она знала, рухнул, но она всё ещё стояла на ногах.

— Командующий Сурун... Архимаг Моон... — её голос стал пугающе спокойным. — Прошу следовать за мной.

Она направилась к центру зала. Там, на возвышении, стоял её личный пульт управления — венец инженерной и магической мысли этого флота. Как только они втроём вошли на постамент, Шерр коснулась руны активации. С тихим шелестом сверху опустились тяжёлые звуконепроницаемые шторы. Они мгновенно отсекали их от любопытных взглядов операторов и любых попыток прослушивания. Они остались втроём в тесном, изолированном коконе тьмы.

Шерр смотрела на них изучающе, и в этом взгляде не было тепла — только холодный расчёт ювелира, обнаружившего в драгоценной оправе вместо камней дешёвое стекло. Ситуация перестала быть просто сложной. Оскит исчез, стерев за собой координаты. Магия З'кыра, питавшая их жизни веками, иссякла, оставив после себя лишь фантомную боль. Флот, её последняя и единственная надежда, висел в мёртвой пустоте, как стая китов, выброшенных на берег.

— Архимаг, командующий, ваши предложения по ситуации?

Она ждала. Секунду. Другую. Третью. Тишина в рубке стала почти осязаемой, тяжёлой, как свинец.

Сурун и Моон переглянулись. Их лица, тёмные и непроницаемые, вдруг стали какими-то... выцветающими. Они развели руками — синхронно, словно заржавевшие марионетки, репетировавшие этот жест тысячелетиями. В этом движении не было ни грамма воли, ни капли протеста.

Тысячи лет они были лишь тенями приказов. Тысячи лет их горизонт событий ограничивался исправностью генераторов и калибровкой орудий. Они следили, чтобы сталь не ржавела, а реакторы пели свою ровную песню. Остальное... Остальное оставалось за пределами их функционала. Они деградировали. Интеллектуально, ментально, духовно — они превратились в безупречные биологические процессоры, неспособные на творческий сбой или самостоятельное решение.

Шерр пока этого не осознала до конца. Она ждала, и в её груди, там, где всегда пылал костёр амбиций, зашевелилось ледяное предчувствие.

— Мне долго ждать? — в её голосе зазвенела сталь.

Командующий Сурун решился. Он сделал шаг вперёд, и в этом простом движении было столько напряжения, будто он преодолевал гравитацию целой звезды.

— Принцесса... мы полностью полагаемся на вас. Мы будем выполнять всё, что вы скажете. Что касается планов, нашего мнения по ситуации... — Он запнулся, глядя в пустоту перед собой, но нашёл в себе силы закончить. — Его у нас нет. Мы полностью и во всём полагаемся на вас.

Он замолчал, и эта правда ударила по Шерр сильнее любого снаряда. Он признал их общую немощь. Признал, что они — великие воины прошлого — больше не соответствуют моменту. Они не могли думать. Не могли решать. Они не могли быть опорой, в которой она так отчаянно нуждалась.

Тишина, наступившая после его слов, была тяжелее самой яростной битвы. Шерр медленно обвела их взглядом и провела сканирование — быстрое, резкое, беспощадное. Её воля, подкреплённая остатками древней силы, вонзилась в разум Суруна и Моона, выворачивая их наизнанку. Она не спрашивала разрешения — она брала то, что считала своим.

И она увидела пустоту. Абсолютную, беспросветную, стерильную. Ни искры идеи, ни тени страха, ни проблеска желания. Только бесконечные циклы выполненных инструкций. Их сознания были гладкими и холодными, как полированное стекло — века подчинения стёрли с них любую индивидуальность. Ни зазубринки, за которую можно было бы зацепиться, ни трещинки собственного «я».

Шерр поняла — нести эту ношу ей придётся в одиночку.

— Я вас услышала, — она медленно подняла руку.

Между её длинными, тонкими пальцами замерцала магия. Это не был дар Оскита, это была её собственная суть — выстраданная, вырванная из недр души, где не осталось места для жалости. Магия была холодной, как межзвёздный вакуум, и тяжёлой, как надгробная плита. Она пульсировала в унисон с её бешеным сердцем.

И эта сила, повинаясь короткому жесту, рванулась вперёд. Она прошила разум Суруна и Моона, не встретив ни малейшего сопротивления, и устремилась дальше. Она выплеснулась за пределы рубки, пронизала переборки флагмана, дотянулась до каждого линкора-астероида, до каждого истребителя в ангаре. Тысячи пустых сознаний приняли её волю, как сухая, расклевывавшаяся земля принимает воду.

Она взяла их под тотальный контроль. Просто взяла — по праву сильной. Без её воли они были не армией, а стадом, обречённым на заклятие. Она вплела свои мысли в их нейронные сети, сделав каждого кыштына продолжением своих нервных окончаний.

— Вы правы, — прошептала она, и этот шёпот услышал каждый член экипажа прямо у себя в голове. — Вы будете делать то, что я скажу. И хотеть того, чего захочу я.

Она опустила руку. Магия угасла, втянувшись обратно в ладони, в грудь, в то тёмное место, где жила её гордость. Сурун и Моон застыли перед ней. Их лица остались неподвижными, но глаза теперь светились тем же холодным, мертвенным блеском, что и приборы на пульте управления. Они ждали. Ждали, чтобы быть использованными. Чтобы стать инструментами в её руках.

— Свободны, — бросила Шерр.

Сурун и Моон синхронно развернулись и вышли из круга света, растворяясь в тенях рубки. Теперь Шерр осталась одна по-настоящему. Одна против всех, во главе флота призраков.

Глава 17

ХААР

Как только тяжёлые створки переборок сомкнулись за Суруном и Мооном, Шерр закрыла глаза и позволила своей воле затопить пространство. Её сознание, холодное и острое, как мономолекулярное лезвие, развернулось веером, проникая в каждый потаённый уголок флагамена. Она скользила сквозь переплетения энергоблоков, прошивала сенсорные массивы и, наконец, вонзалась в сознания тысяч кыштынов, которые только что стали её живым продолжением.

Она ментально шла по всему флоту, не пропуская ни одного эсминца-астероида. Каждая пустая, идеально гладкая сущность экипажа принимала её прикосновение без малейшего трения. Ни мысли, ни тени сомнения — только абсолютная проводимость её воли.

Теперь под её командованием флот стал единым организмом. Сталь и плоть слились в симфонию разрушения. Каждый двигатель, каждая орудийная башня, каждый сканер — всё это стало её пальцами, её глазами, её сокрушительным кулаком. Мощным. Опасным. Беспощадным. Но даже эта колоссальная мощь, которую она копила столетиями, не давала ответа на главный вопрос. Что же могло произойти с планетой Оскит? Какая сила посмела вмешаться в сценарий, писавшийся эонами? Кто или что могло за считанные часы стереть планету, бывшую центром её вселенной? Алтари, горевшие вечно, маги, чьи голоса не утихали тысячелетия, магия З'кыра, пахнувшая озоном и кровью — всё это испарилось. Такое не случается само собой. Кто-то обладал силой, способной не просто переставить фигуры, а перевернуть саму шахматную доску мироздания.

Ответить мог только Хаар. Он находился везде одновременно, в каждой точке пространства. Всё, что происходило в этой системе — каждая вспышка аннигиляции, каждый разрыв ткани пространства, каждая предсмертная судорога — всё проходило сквозь него.

Хаар видел, как пал Оскит. Он видел триумф Эфирарха. И он был не единственным зрителем. Архитектор смотрел из центрального чертога. Луминар наблюдал за угасающими нитями гармонии. Элира взвешивала на чашах равновесие, которое внезапно стало слишком лёгким. О Темосе и говорить не стоило — его внимание сосредоточилось на энтропии, вспыхнувшей в секторе Рованы.

Все Операторы Вселенной, привыкшие к неторопливому, величественному течению событий, сейчас пребывали в состоянии лёгкого беспокойства. Они не вмешивались — боги редко спешат. В их холодном, отстранённом анализе не было места суете. Но скорость событий пугала. Обычно на такие перемены уходили тысячелетия. Империи гнили веками, войны длились поколениями, давая Операторам время оценить каждый нюанс.

Но сейчас всё сжалось как пружина. Сутки. Часы. Минуты. Реальность трещала по швам под напором событий, следующих друг за другом с частотой пулемётной очереди. Операторы, привыкшие к иным временным отрезкам, «подтормаживали». Они просчитывали вероятности, которые теряли смысл ещё до того, как формула завершалась. Они пытались нащупать ритм в хаосе, где ритма уже не существовало.

В этом смысле Хаар находился впереди всех. Он не просто просчитывал — он предвидел. Пока Луминар искал утраченную мелодию сфер, Хаар уже сжимал в руке рукоять меча. Его цель — стать Архитектором, самому определять правила бытия — была близка как никогда.

Но даже он ощутил укол неожиданности. Эфирарх не просто закрыла Разлом. Она нейтрализовала Оскит. Источник магии З'кыра — «топливо» для кыштынов — исчез. Хаар понимал, без этой подпитки его армия превращается в заведённую игрушку, чей механизм рано или поздно остановится. Да, запасов в накопителях флагамена-планетоида хватит надолго — это могли быть столетия, но для вечной войны недостаточно.

Посланница проиграла на Румихе. Её власть, строившаяся тысячелетиями, рассыпалась в прах за несколько дней. Она потеряла Аэтрионский флот — тот самый, который Эфирарх вернула к жизни, разбив ментальные оковы.

Хаар видел, как эти корабли ползут к причалам баз. Они изранены, но свободны. Они готовились к последнему бою.

«Опасен ли этот флот?» — Хаар задал себе этот вопрос, и его сознание, огромное и древнее, накрыло систему Рованы тенью.

— Нет, — ответил он сам себе. — Не опасен.

По сравнению с флагманом-планетоидом это мошки. Комариный рой, решивший атаковать ураган. Орудия «Спящих» сотрут их в звёздную пыль задолго до того, как они выйдут на дистанцию ответного залпа. Шерр уничтожит их одним движением мысли.

Хаар знал это. Он видел это в потоках вероятностей. И всё же..., что-то едва уловимое, тонкое, скользнуло по его божественному сознанию. Будто случайная царапина на идеально отполированной поверхности алмаза. Он не понял, что это было. Он не стал разбираться, не хотел поддаваться сомнению, когда на кону трон Архитектора. Но царапина осталась, пульсируя где-то на самой границе его восприятия.

Хаар уже готовился погрузиться в глубины своего сознания, туда, где пульсировала древняя тьма, где время текло иначе, где можно было наблюдать, ждать, выжидать. Но его отвлек зов Посланницы. Она хотела, чтобы он разъяснил, что к чему. Объяснить, что происходит и кто виноват?

Перед ним встала острая дилемма: как её использовать в тёмную, направлять, подталкивать, манипулировать, как он делал тысячелетиями? Или напротив рассказать всё как есть, без утайки, без намёков, без той привычной игры, которая была его второй натурой? Учитывая, что теперь она отрезана от своей вселенной, отрезана от Оскита, отрезана от всего, что было её опорой, — связана с ним накрепко, как корабль с якорем. Решил, что правда будет полезней. По крайней мере, сейчас.

— Вижу, посланница, — ментальный импульс, глубокий, вязкий, прошелестел в её сознании. — Ты взяла под контроль древний флот. Замечательно. Следующая цель — планета Рована.

Он излагал мысль как констатацию факта, но в его тоне, в той лёгкой, едва уловимой насмешке, которая всегда присутствовала в его голосе, чувствовалось нечто большее. Он хотел знать, как она отреагирует, что ответит? Он хотел знать, насколько она осознаёт своё положение?

— Ты прав, — ответила Шерр с горечью. — Но все не так просто. Тысячи лет бездействия сделали чёрное дело с экипажами. Они потеряли боевую слаженность. Да вообще всё потеряли..., — она не договорила, но Хаар понял.

— Думаю, ты наставишь их на путь истинный? — провибрировал Хаар.

— У меня нет других вариантов, — ответила Шерр.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — Хаар констатировал очевидное.

— Что же хорошего? — Шерр отвечала резко, с гневом, который не пыталась скрыть. — Разлом исчез. Источник энергии З'кыра исчез. Планета Оскит исчезла. — Она сделала паузу, и в этой паузе была вся тяжесть того, что она не могла понять, не могла принять, не могла объяснить. — Что вообще происходит, союзник, можешь толком объяснить?

— А ты, посланница, разве не догадываешься?

— Что мои догадки, — отрезала Шерр, — когда ты знаешь все ответы?

И действительно, она права. Он знал. Он видел. Он чувствовал каждую трещину в ткани реальности, каждую вспышку магии, каждую смерть. Он знал, что произошло с Оскитом. Он знал, кто закрыл разлом. Он знал, кто стоит за всем, что случилось в последние часы. И он знал, что скрывать правду больше нет смысла.

— Это так, — почти торжественно ответил Хаар. — Тогда слушай.

Далее поведал ей реальное положение дел. Он рассказал о том, как Эфирарх закрыла разлом, как она нейтрализовала Оскит, как магия З'кыра, питавшая их тысячелетиями, иссякла. Он рассказал о том, что флот, который она так долго сохраняла, теперь отрезан от своей вселенной, от своего источника силы, от всего, что делало его непобедимым. Он рассказал о том, что у них нет никакой подпитки, никаких резервов, никакой надежды на помощь.

— Вот так всё обстоит, — закончил он. — Вы отрезаны от вашей вселенной. Все ресурсы, которые есть, остались только здесь. И больше никакой подпитки не будет. Никогда. Ты должна восстановить свою власть в этой вселенной. Это единственный способ выжить.

Шерр молчала. Хаар чувствовал её мысли, её чувства, её страх — тот самый, который не позволяла себе признать даже наедине с собой. Он чувствовал, как внутри неё, там, где раньше была уверенность, разрастается пустота. Но он также чувствовал другое. Несгибаемость. Ту самую, которая делала её тем, кем она была.

— Должна и восстановлю, — бросила Шерр веско.

— Отлично, — отреагировал Хаар, в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на удовлетворение. — Другого ответа я и не ждал.

Но Шерр не закончила. Она продолжила, и в её голосе появилось то, чего Хаар не слышал никогда и ни от кого — требование.

— Только с твоей реальной помощью. Ты, союзник, готов вступить в борьбу открыто?

Станный вопрос задавала Посланица. Она вообще не была вправе его задавать. Он — высшая ипостась, существо, стоящее у истоков хаоса и тьмы, делает что хочет и как хочет. Он не подчиняется приказам. Он не отчитывается. Он не вступает в борьбу открыто, потому что его борьба — это игра в тени, это манёвры, это ожидание. Но сейчас особый случай. Вариантов не было.

«Откуда она узнает, вступил я в борьбу открыто или нет?» — анализировал он. Она не могла знать. Она не могла контролировать его. Она не могла заставить его сделать то, чего он не хотел. Но она могла почувствовать ложь. Она могла понять, что её обманывают. Ведь она часть его самого, он сам наделил её такой способностью, воскресив в прошлом. И тогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.